Ольга и Наталья Семеновы

Разлучившее наследство

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

Наталья и Ольга Семеновы

Разлучившее наследство. Семейные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70198063
ISBN 9785006206700

Аннотация

Не говори, что ты знаешь человека, до тех пор, пока не разделил с ним наследство.Жили-были бабушка с дедушкой и были у них две дочери, сводные сёстры. Жизнь их катилась как у всех. И вот пришло время делить наследство…Наверно, нет ни одной семьи, которой не коснулась бы эта проблема. Ведь каждый человек втайне мечтает о наследстве.

Содержание

Пролог	5
Конец 1990 —х годов	8
Наташа. Красное платье в белый горох. 1960 г.	11
Дед и бабка. Касли. 1960-е	24
Бабушка Таисья Кирилловна. Семья. 1920-е годы	26
Дед Василий и Евдокия. 1923 г.	46
Шура и Нина. Каша. 1928 г.	72
Шура и Нина. Учеба. 1930-е годы	75
Шура и Нина. Взрослая жизнь. 1940 г.	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Разлучившее наследство
Семейные истории

Наталья и Ольга Семеновы

© Наталья и Ольга Семеновы, 2023

ISBN 978-5-0062-0670-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все совпадения с реальными людьми и событиями случайны

Пролог

Чёрт попутал…
Народная мудрость

Наталья уже давненько, лет десять, как обнаружила у себя во время диспансеризации камень в желчном пузыре. Причем не просто маленький камешек, а целый булыжник. Представьте себе, никогда не было, а тут внезапно появился. Пришлось наблюдаться, при этом отправляясь каждый раз на УЗИ, ей очень хотелось чуда. Какого? А чтобы сообщили, что её «булыжник» или исчез совсем, или хотя бы уменьшился в размерах.

Каждый раз врач, заполняя бланк обследования, давал свои советы. Мнения звучали разные: делать операцию, не делать, наблюдаться, не рассчитывать на медикаментозное лечение и другие варианты. Всё озвученное, конечно, относилось, как сейчас говорят, к области официальной доказательной медицины. Врачи встречались разные, но все говорили примерно одно и то же.

И вот однажды, после очередного обследования, Наталья вдруг услышала слова, которые никак не ожидала услышать. Вернее, прозвучал странный вопрос от врача-мужчины в возрасте:

– Голубушка, а у вас случайно нет по жизни проблем с на-

следством?

Наталья сначала опешила, и, не задумываясь, ответила:

– Конечно, есть. Как у всех.

– Я не про всех говорю, а конкретно про вас. Я имею в виду проблему, которую вы никак не можете забыть, пережить, наконец.

– Первый раз от врача слышу такой вопрос, но он в самую точку… А почему вы спрашиваете про моё наследство?

– Представьте, сколько пациентов проходит перед моими глазами, а человек я не молодой. Очень многие рассказывают о своей жизни под «оком» этого аппарата.

– Могу предположить. Наверно, всю подноготную выкладывают…

– Не сомневайтесь. Меня натолкнула одна пациентка на связь камней в желчном пузыре с вопросами наследства. У неё за полгода образовалось несколько «булыжников», и всё это время она судилась с родственниками из-за наследства.

– В этом, наверное, что-то есть… – задумчиво произнесла Наталья.

– Существуют психофизические причины заболеваний, и хорошо бы медицине об этом не забывать, – философски заключил доктор. – С тех пор я интересуюсь у пациентов с такой клинической картиной, есть ли у них перипетии с наследством. Представляете, совпадение стопроцентное. Кстати, женщины попадают в эту ловушку чаще мужчин.

Наталья забрала свое медицинское заключение и поблагодарила за необычный разговор. Весь день она думала о своем визите к врачу и вспоминала историю наследства в своей семье.

Конец 1990 —х годов

Тогда прошло всего полгода после ухода матери. Наташа разбирала бумаги в её комнате. Там находился большой встроенный шкаф, весь забитый фотографиями, письмами, документами, памятными вещами. Обычно в нём всегда прибиралась сама Александра Васильевна, не допуская к этому никого, даже родственников. Наталья, конечно, периодически устраивала генеральные уборки квартиры, как и все хозяйки, но в такие дни мама Наташи отказывалась от помощи и ограничивалась перекладыванием с полки на полку своих пакетов и свертков.

И вот сегодня Наташа стала разбирать эти залежи, и рыдала. Слезы, независимо от неё, катились по лицу, она их вытирала, бегала умывалась, но те снова откуда-то появлялись. Близкие не мешали ей и не вмешивались, понимали, что все это она должна сделать одна.

Из фотографий Наташа впоследствии сделала большой альбом, рассортировав их по годам. Альбом она посвятила семье своих родителей, он получился очень трогательным, как говорится, «шаркнул по душе».

Но вот когда дело дошло до документов, Наташу постиг настоящий шок. Это касалось свидетельства об её собственном рождении. Она уже не помнила момента, когда этот документ находился в её руках последний раз, и его ей при-

шлось куда-то предъявлять. Сколько она себя помнила, в её жизни всегда рядом присутствовал отец, причем любимый. Но к своему удивлению, в свидетельстве о рождении в графе «отец» стоял скромный прочерк, такой маленький и незаметный. Там значились только они с мамой, а отец отсутствовал. Свидетельство мама спрятала, заложив в другие бумаги, поэтому Наташа наткнулось на него случайно. Узнать в пятьдесят лет о том, что у тебя официально никогда не было отца, стало настоящим потрясением.

Что это означало? Женская месть мужу или жизненные обстоятельства? Или что-то ещё? Но спросить уже было не у кого… Пришлось эту старую зелененькую гербовую бумагу просто определить в папку и убрать с глаз долой.

Наташа почти всю свою жизнь прожила вместе с матерью, сначала в одном доме, а затем в одной квартире. Но, оказывается, каких-то важных разговоров у них так и не случилось. Было грустно, обидно, тоскливо, и главное, уже непоправимо.

Ещё среди маминых «сокровищ» Наташа нашла коробку, где хранилась бутылка вина, которую Серёжа, её младший брат, когда-то привез с юга, когда ездил в спортивный лагерь от школы. Бутылка выделялась своей яркой этикеткой. Когда-то мы все возили с нашего юга терпкие, сладкие, очень вкусные вина. И на этой бутылке красовалась знакомая картинка: «Улыбка». Прошло сорок лет, как её брат привез домой этот сувенир. Бутылку тогда не успели открыть,

но за это время она опустела ровно наполовину, и смотрелась какой-то ненастоящей. Ещё в коробке был конверт, в котором лежали русые локоны из кольца в кольцо – первый состриженный волос брата.

Тогда она всё это оставила, просто переложила в отдельную сумку. И сейчас, вернувшись от врача, Наталья снова начала вспоминать свое детство и свои любимые Касли. Видимо, ей действительно нужно настоящее прощание с прошлым, может, оно получится тяжелым, но нужным и очищающим.

Наташа. Красное платье в белый горох. 1960 г.

Когда она вспоминала своё детство, первое, что приходило на ум – её самое любимое красное платье в белый горох.

Дом, в котором прошло детство Наташи, стоял на углу. Три окна с всегда накрахмаленными занавесками наблюдали за улицей, а четвертое – кухонное – выходило в проулок. С этой стороны дома в любое время дня и ночи хорошо просматривались белые кладбищенские каменные стены и чугунные ворота знаменитого каслинского литья. Ведь дом находился совсем рядом с кладбищем.

Ни одни проводы в последний путь не могли остаться незамеченными жителями этого дома и соседних домов, которые окнами смотрели на кладбище. Наверно, кому-то это покажется жутковатым – жить совсем рядом с кладбищем, но не обитателям этого уголка Каслей. Они привыкли, им просто примелькались похоронные процессии.

Пускай для многих «дом рядом с кладбищем» звучит страшновато, но только не для маленькой Наташи. Когда-то её принесли в этот дом совсем маленькой из родильного дома.

Тем летом она закончила второй класс, и для неё этот дом олицетворял собой самое дорогое место, в котором жили её

любимые бабушка и дедушка, там она проводила все свои каникулы, приезжая из большого города.

В середине прошлого века городок смотрелся провинциальным и тихим. Тишину нарушал только заводской гудок, который все слушали три раза в сутки – утром, днем и вечером к началу смены. Иногда в тишине стрекотали мотоциклы, но они не разрушали её, а, казалось, наоборот подчеркивали. Грузовые машины почти не ездили по городку, а на легковушках передвигались только так называемые «шоколадники». Жители так называли приезжих и городских. Сами каслинцы в основном ездили на велосипедах или просто ходили пешком.

И вдруг в этой провинциальной тишине начинал звучать завывающий духовой оркестр с неожиданными пугающими резкими ударами литавр. Музыка слышалась поначалу тихо, издалека, а потом, двигаясь по улицам, неторопливо приближалась к кладбищу. Вскоре после музыки появлялась и сама похоронная процессия, которую обязательно сопровождали любопытные со всех окрестных улиц. В начале процессии шли люди и бросали на дорогу цветы, шествие завершала конная повозка, с которой разбрасывали еловые ветки.

У каслинской детворы нынешним летом появилась новая «забава». Список привычной летней вольницы – утренняя и ночная рыбалка, походы за ягодами и грибами в Елань, катание на лодках, купание на озерах, ловля раков под камнями, гонки на велосипедах с гиканьем и свистом – пополнил-

ся посещением поминальных обедов.

– Девчонки, слышите? Музыка играет!

– Мальчишки, давайте наперегонки на велосипедах к кладбищу!

– Чур, моё место с краю не занимать! – только и слышалось среди ребятни.

Вся детвора окрестных улиц научилась вычислять время приближения похоронной процессии с точностью до минуты. И Наташа, конечно, тоже это умела. Они с подружками заранее рассаживались на невысоких стенах кладбища, занимая самые «удобные» места, с которых можно без помех наблюдать за происходящим. Это совершенно не считалось зазорным и неприличным, а наоборот, привычным и захватывающим событием. Детям же всегда хочется интересных событий и разнообразия. Телевизоры только-только стали появляться и «водились» редко где. Поход в кинотеатр – дорогое удовольствие, денег на него у родителей не допросишься. Билет стоил днём двадцать копеек, а вечером – уже все пятьдесят. Пенсия у дедушки на двоих с бабушкой – всего пятьдесят семь рублей.

Наташу дедушка и бабушка любили, баловали, и не отказывались давать ей деньги на кино. Но ходить туда одна девочка не любила – скучно, фильм же надо с кем-то обсуждать. Но подружки говорили Наташе:

– Нам родители и думать запретили о киношках. Они ругаются, ворчат, говорят, что масса денег уходит на всякую

ерунду. Лучше принести пользу для дома, и придумывают всякие ненужные дела по хозяйству. Лишь бы не отпускать в кино! – жаловались закадычные подружки.

Вот так и приходилось маленькой Наташе и её друзьям довольствоваться тем, что есть.

Поэтому они заранее занимали места на широких каменных стенах кладбища. Стайка девчонок и мальчишек с большим любопытством наблюдала за похоронами. Дети уже знали, что все люди умирают, но не примеряли это на себя. Они даже не задумывались на эту тему, ведь это так далеко и совсем не про них. Это же так интересно и по-детски – ходить своей компанией по кладбищу, рассматривать незнакомые фотографии на памятниках, считать возраст умерших по датам на них, собирать очень крупные и сладкие ягоды малины и земляники, которые выросли на могилках. Все казалось просто игрой, дети даже соревновались между собой, кто первый найдет памятник с фотографией ребенка своего возраста. Дети, в отличие от взрослых, воспринимали жизнь такой, какая она есть, и не отгоняли от себя мысли о смерти.

Сидя на невысоких и широких каменных стенах кладбища, Наташа и её подружки очень оживленно обсуждали массу вещей.

– Как было бы здорово, если бы сегодня опять пригласили детей на поминки!

– Конечно, пригласят. Обязательно пригласят. Они же всегда нас зовут.

– Точно. Помните, они часто говорят, что лучше всего, когда поминает ребенок.

– Интересно, а чем сегодня будут угощать? Я хочу дутых оладий, с медом, – облизнулась самая маленькая девочка.

– Да тебе бы только поесть, – осуждающе сказал мальчик постарше.

Мальчишки вели более содержательные разговоры, их интересовали страшные истории, они любили пугать ими девчонок, сами при этом делая вид, что им-то совсем не страшно. Они пересказывали друг другу истории, подслушанные у взрослых, и дополняли их своими только что выдуманными подробностями. Самыми интересными казались рассказы о летаргическом сне, никто толком не знал, что это такое, но все рассуждали со знанием дела.

– Представляете, человека даже могут похоронить живым, если он засыпает летаргическим сном.

– Ага, все думают, что человек умер, и его на самом деле хоронят.

– Неужели нельзя отличить мертвого человека от живого? – удивилась одна из подружек Наташи.

– Конечно, можно. Живой-то дышит, – поддержала её Наташа.

– А кто засыпает таким сном, ле-тар-ги-чес-ким, то у него сильно замедляется дыхание, и непонятно, живой он или нет, – подробно объяснил рядом сидящий мальчишка постарше.

– Да ерунда это все. Летаргический сон ваш… Такого не бывает.

– Нет, не ерунда. А ты знаешь, что иногда, когда родственники открывают старые гробы, то там находят скелеты, которые лежат на боку или на животе. Это значит, что человек там ворочался, – продолжал пугать девчонок самый знающий среди мальчишек.

– Хватит нас пугать. Все это неправда.

– Неправда? А вам слабо ночью по кладбищу пройти? – начинали они подначивать друг друга.

– Да мы давно вас с собой зовем, а вы не идёте.

Но смельчаков среди компании не нашлось и в этот раз. Тем более что как раз сейчас оркестр подошел к кладбищу и замолчал. Значит, процессия остановилась у ворот. Бурный обмен мнениями сразу прекратился, и все просто сидели и наблюдали за происходящим.

Если хоронили кого-то с соседних улиц, Наташа с подругами всегда оказывалась на поминках. На поминальные обеды все ходили в своих самых нарядных и красивых одеждах. Одевали всё самое лучшее. Некоторые родители даже специально шили для своих дочерей наряд для поминок – длинное платье. Материал всегда выбирали яркий, цветной, ни в коем случае ни темный и ни чёрный. В чёрном появлялись только ближайшие родственники покойного.

Конечно, эта «мода» не могла пройти и мимо Натальи. Проблема состояла в том, что она не носила такие платья.

Она приезжала из города на летние каникулы, а в городе в это время девочки носили только короткие платья. Но в посёлках и в деревнях девочки любили платья подлиннее, обязательно, чтобы подол опускался как можно ниже колена. А уж платье для поминок, конечно, должно было быть длинным. К тому же бабушка часто говорила:

– Ты уже большая девочка! Надо тебе сшить платье как у взрослых людей.

– Я хочу платье ярко-красного цвета в белый горох! – ответила ей внучка. – И чтобы оно было почти до пола.

Материал для платья решили покупать в лучшем магазине у рынка. Бабушка с внучкой отправились из дома по холодку прямо с утра – то лето стояло изнуряюще жарким. Наташа с подружками всегда любила заглянуть в магазин тканей, чтобы просто поглазеть и примерить на себя в уме будущую обновку. Но в этот раз всё происходило по-настоящему.

Магазин находился в старинном купеческом каменном пристрое, у самого входа на рынок. В помещении магазина ощущалась прохлада, и всюду витал волнующий запах новых тканей. Штабеля свернутых материй высились на широком прилавке, часть тканей струилась от потолка к полу. Чего только здесь ни бросалось в глаза! Дорогой китайский шелк, легкий, почти невесомый крепдешин, разноцветный сатин, мягкая уютная фланель, плотный ситец и яркий штапель.

– Наташенька, внученька, у меня глаза разбегаются!

– А я уже давно себе всё выбрала, – решительно заявила

внучка.

– Когда это ты успела?

– А мы сюда часто с подружками забегаем. Здесь так необычно…

– И что ты выбрала?

– Пойдем, я тебе покажу.

Девочка подвела бабушку к самому высокому стеллажу, стоящему в углу, и указала пальцем на свернутый кокон ткани. Это был штапель ярко красного цвета в белый горох.

– Да, ты умеешь выбирать. Может, что-то еще посмотрим?

– Нет, – упёрлась внучка. – Мне нужно платье только из этой ткани!

Продавщица помогла прикинуть, сколько потребуется материи на длинное платье до пола с коротким рукавчиком – на рукавчике настояла бабушка. Теперь дело за портнихой.

Бабушка предложила по пути домой с рынка сразу же зайти к портнихе. В городке, конечно, работало пошивочное ателье, но все предпочитали шить обновки у местных умелиц. Такие проживали почти на каждой улице. Работали они со знанием дела, но брали за пошив значительно дешевле. Бабушка Наташи тоже имела такую знакомую, правда, себе она уже давненько ничего не заказывала, но сохранила с ней добрые отношения. Вот сейчас это знакомство и пригодилось для любимой внучки.

Посетительницам повезло – портниха не успела ещё никуда уйти и оказалась свободной.

– Извините, мы «как снег на голову», – улыбнулась и с места в карьер начала бабушка. – Но у нас срочный заказ, я понадеялась на наше с вами старое доброе знакомство.

– Конечно, проходите, я вас помню, – пригласила их в дом портниха. – Показывайте вашу ткань.

– Нам хочется обсудить фасон платья для моей внучки и договориться о первой примерке, как можно скорее, ведь лето скоро закончится. А моей Наточке так хочется поносить обновку.

– Давай, рассказывай, что ты хочешь? – весело спросила портниха девочку.

Наташа внимательно посмотрела на женщину. Первое, что бросилось ей в глаза – портновский метр, который свисал с шеи портнихи.

«Да, она мне нравится, она сошьет мне хорошее платье», – подумала она.

Женщина внимательно выслушала пожелания девчушки, быстро набросала фасон платья в двух проекциях, обмерила её стройную фигурку, всё записала, как положено, установленными цифрами, и назначила первую примерку.

– Видишь, какие мы с тобой молодцы, – приговаривала бабушка, направляясь вверх по улице к своему дому.

– Дедушка, наверно, нас потерял.

– Ничего, оправдаемся, – успокоила бабушка внучку.

Платье шилось по всем правилам портновского искусства. Состоялось две примерки, на которые Наташа уже бегала са-

мостоятельно. А вот забирать обновку она отправилась вместе с бабушкой.

Демонстрация платья состоялась в маленькой боковой комнатке портнихи перед большим зеркалом, в котором Наташа видела себя в полный рост. Платье вышло чудесное: мягкий штапель ярко-красного цвета, на этом фоне белый горох, широкий пояс, который завязывался бантом, глубокие складки подола и, как хотела Наташа, платье было почти до пола. Волшебное платье!

К сожалению, платье пришлось снять, завернуть его в платок и осторожно донести до дома. Девочка очень гордилась своей новой обновкой, и с огромным нетерпением поджидала случай, чтобы её всем показать.

Городок Касли, в котором проводила лето девочка, со всех сторон окружен озерами. Это настоящий озерный край. У многих жителей городка на берегу находилась своя лодка, и ребетня летом часами не вылезала из воды – купалась, ловила рыбу, ныряла с лодок, просто загорала.

Конечно, на воде частенько происходили несчастные случаи. И в это лето случилась очередная трагедия. Местный мальчишка, который проживал на соседней с Наташей улице, утонул. Все окрестные улицы провожали в последний путь этого несчастного мальчика и сочувствовали бедным родителям. На поминки пришло очень много людей. Наташа со своими подружками тоже оказались за большим поминальным столом. Вот и представился случай ей одеть своё

новое платье.

Столы вынесли во двор, вокруг поставили лавки, табуреты, которые принесли соседи. Все, как обычно, принарядились и явились в своих лучших нарядах. Но красное платье Наташи выделялось из всех. Наташе казалось, что все любуются её новым роскошным платьем. За столом она почти ничего не ела, только оглядывалась и боялась, как бы не запачкать обновку.

Поминали по-уральски: пироги с рыбой, картошкой, капустой, грибами и ягодами, шаньги с творогом, картошкой и сметаной, пышными дутыми оладьями с медом, каравайчиками, киселем и компотом. К детям несколько раз подходили родители погибшего мальчика и специально угощали их, приговаривая:

– Кушайте, поминайте, берите с собой. Помните нашего несчастного сыночка.

Ребятня уплетала всё за обе щеки.

– Спасибо, что вы пришли, – обращались к Наташе и ее подружкам родственники мальчика. – Детский помин самый ценный.

Наталья даже не запомнила имени этого мальчика – ей запомнилось только платье и угощение.

Обед длился долго, и домой девочка вернулась уже в сумерках.

Дома её ждал сюрприз. Из города приехали родители с младшим братом. Ждали их только через неделю, но отцу

удалось вырваться в отпуск раньше.

При виде дочери в несуразно длинном платье, родителей взяла оторопь. К тому же Наташа не только с удовольствием демонстрировала свою обновку, но и взахлеб описывала своё сегодняшнее участие на поминках в новом платье.

– И часто ты ходишь по поминкам? – как-то слишком спокойно спросила её мама.

– Мамочка, я хожу туда каждый раз и стараюсь, чтобы меня пригласили, – с гордостью и бесхитростно ответила дочка.

– Откуда у тебя такое платье? – продолжала допрос мать.

– Мы с бабушкой выбрали материал и сшили его у портнихи. Специально для поминок.

– И что, ты всегда на поминки в этом платье ходишь? – подал голос отец.

– Нет, сегодня я его одела первый раз. Вам нравится? Мне – очень. Оно такое красивое.

– Так, значит, в первый и в последний раз, – заключила рассерженная мать.

Бабушка в спор не вмешивалась, тихонечко ушла в огород и занялась там своими делами.

– Почему в последний? – спросила Наташа.

– Мы об этом с тобой завтра поговорим, дочка. А пока снимай это платье, одевай обычную одежду. И рассказывай, чем ты тут ещё занималась, – сказал папа.

Девочка сняла платье, аккуратно его сложила и повесила на стул в горнице.

Больше она своего любимого платья никогда не видела. Мама, по-тихому, убрала платье в самый дальний сундук и больше никогда его оттуда не доставала. Походы по поминкам прекратились, девочку стали снова одевать в короткие городские платьица и вплели в черные косы два больших белых банта. Наташа опять превратилась в обычную городскую девочку.

Через несколько дней семья вернулась в город. Хотя в тот раз Наташа одела свое любимое платье в первый и последний раз, всегда, когда в ее жизни появлялась обновка, она вспоминала то лето и свое красное платье в белый горох.

Дед и бабка. Касли. 1960-е

Наташа, когда предъявляла свой паспорт в «присутственных» местах, всегда с внутренней теплотой указывала, если требовалось, место своего рождения – город Касли Челябинской области. Ударение на последний слог, между прочим, так уж повелось с советских времен.

Сегодня уже немногие, даже жители этого уральского городка, помнили о том, что когда-то это поселение на Южном Урале основал богатейший татарский купец по фамилии Касли, с ударением на первый слог. Дед, Василий Константинович, любил вспоминать эту историю про купца, делал обычно он это за стопкой водки по официальным праздникам. Стопок насчитывалось, конечно, несколько, но свою меру дед знал. Тем более, его супруга, Таисья Кирилловна, всегда неукоснительно лично наблюдала за питейным процессом.

– Василий, – говорила она ему, – ты меня знаешь, я этих безобразиев никогда не любила, и терпеть их не собираюсь.

Ответ деда зависел от числа пропущенных стопочек. Градус дискуссии имел явно выраженную прямо пропорциональную зависимость от количества выпитого алкоголя.

– Ладно, Тася, не серчай. Сегодня можно и пропустить по стопочке, потому что революционный праздник.

– Знаю я ваши праздники, вам, мужикам, лишь бы повод

найти.

Никто не собирался уступать.

– Циц, женщина! Кто хозяин в доме? Не тебе мне указывать! Не рассчитывай, я по одной половице, да ещё по твоей женской указке ходить не планирую. – Похоже, рюмка уже была по счёту третья, если не четвертая.

– Планирую… Начитался в своих газетах, только зря деньги на них переводишь.

– А самокрутки из махорки, прикажешь, из чего делать? – резонно вставлял дипломатическую фразу Василий Константинович.

Хорошо, если с ними за столом оказывалась любимая внучка, которая приехала на каникулы, и могла внести свою лепту в мирные договоренности. Внучка во время споров помалкивала, а бабка гнула свою линию:

– Ты уже ей сто раз рассказывал, старый хрыч, про этого купца. Все забыл. – Присутствие внучки придавало бабушке уверенности и смелости.

Так незаметно, под эти разговоры, исчезала не только водка, но и с аппетитом поглощался свежеиспеченный пирог с картошкой и солеными грибами.

Бабушка Таисья Кирилловна. Семья. 1920-е годы

Главным человеком в жизни Наташи всегда была бабушка Таисья.

Таисья Кирилловна, когда хлопотала по дому и занималась маленькой Наташей, нет-нет, да и вспоминала свою семью, в которой выросла. В те времена если Бог давал детей, то семьи в основном встречались большие, так и в её семье шесть сестёр и один брат Федор появлялись и росли друг за другом. Таисья родилась первой, и поэтому ухаживать за младшими привыкла с малолетства. Не всех, кого родила, матушка смогла поднять, но так уж получилось. Тасенька, старшая, всегда росла на подхвате первой помощницей матери.

В Касли, по тамошним меркам разросшийся рабочий поселок, их семья переехала из дальней деревни, когда Тася выросла и стала совсем большой девкой. В пятнадцать лет можно было уже начинать задумываться о взрослой жизни, но судьбу свою она встретила позднее, ещё целых два года водила хороводы вместе с незамужними девками.

Так получилось, что внешность Тасе досталась обыкновенная, от отца: коренастая, высокого роста, рыжеволосая. Другие пять сестер оказались в матушку – миловидные, тем-

но-русые или черноволосые, тонкая кость, можно даже сказать, изящные, в общем, не очень приспособленные для крестьянской работы.

Таисья старалась об этом не думать и в зеркало часто не смотреться, не прихорашивалась то и дело, как ее подруги и сестры, когда стали подрастать. Времени на это не хватало, да и чего там такого можно увидеть-то, в этом зеркале?

Из своих сестер она выделяла наособицу двух – Прасковью и Евдокию, самых младших. Пашеньку любила за весёлый и покладистый нрав, та никогда не вредничала и всегда старалась помочь своей старшей сестре. Душенька, так все в семье звали Евдокию, самую младшую из сестёр, росла красавицей. Похоже, ей досталась вся красота матушки: тёмно-синие глаза, точёный носик, тонкие брови вразлет, белозубая улыбка, темно-русые волосы, высокий рост и тонкая кость – всё до капельки переняла от матери. Видимо, за двоих, за себя и за Тасю, получила Евдокия свою яркую внешность. В народе говорят, что если девчонка рождается очень красивой, то она может израстись, подурнеть. Да, так бывает, но это не коснулось Душеньки, она росла и расцветала на глазах с каждым годом.

Трех средних сестер, Анну, Марию и Александру, Таисья тоже любила, но по-другому. Может быть, потому, что когда они подросли, всегда держались друг друга и немного особняком. Видимо, чувствовали это особое отношение. Да и не слушались они её так, как две другие сестры.

Любимцем в семье у всех, конечно, считался Федор, последыш. Всё-таки появился в семье долгожданный сын! Рождались и до него сыновья, но не выживали, а этот смог, зацепился… Ему бы родиться первым, помощником отцу, а он выжидал, легкой доли себе выпрашивал – хорошо расти в семье младшеньким, все-то тебя любят, лелеют, все желания исполняют. Как в сказке…

В народе есть верная примета – девки замуж из семьи должны выходить по определенному порядку, по старшинству, и нарушать этот порядок нельзя. Особенно, если девок в семье много, не надо младшим тут вылезать вперед и перебегать дорогу старшим. В противном случае и у тех, и у других будут возникать в жизни серьезные препятствия.

По всем неписаным законам первой предназначалось покинуть родительский дом Таисье. Её родная матушка, конечно, помнила об этом, и тайно от дочери присматривала ей женихов. Сердце очень переживало за дочь, работящая и характер покладистый, а вот внешность… Но как говорится «с лица воду не пить», а женская судьба каждому предназначена своя.

Мужики в начале двадцатых годов прошлого века в России ещё водились, но революция и гражданская война основательно повытоптали когда-то стройные и крепкие их ряды.

– Кирилл, пришло время позаботиться о Тасе, – обратилась Екатерина к мужу. – Не делай вид, что тебя это не касается.

– А что я могу сделать? Пусть женихается, как все, по вечеркам бегает. Главное я для неё уже сделал, у неё дом есть, как у старшей. Дом этот завещала мне моя сестра, и я его отдам Тасе.

Этот дом, который достался в наследство Таисье, имел свою историю. Им Кирилл Афанасьевич, отец, очень дорожил, принадлежал он его родной старшей сестре, Серафиме, разница в годах у них насчитывалась немалая – аж семнадцать лет. Кирилл Афанасьевич сам родился последышем, как и их с Катериной младшенький, Федор. Поднимала Кирилла Серафима, как старшая сестра, потому что матушка их рано ушла из жизни. Отец вскоре привел в дом новую жену, отношения с которой у Серафимы не сложились. Та всегда жила на особицу, потому что знахарила, в травах, заговорах, гаданиях ей в округе не было равных. Жизнь Серафимы сложилось одиноко, с мужем она прожила всего пять лет, он сгинул на охоте, не отпускала она его на ту охоту, умоляла не ходить, но не послушался он жену, поступил самовольно. Дети, которые у них рождались, тоже больше года не жили, всех Господь забрал.

Серафима, сестрица, первая переехала в Касли из их родной маленькой деревеньки, приглядела брошенный дом в проулке у кладбища, и стала его полноправной хозяйкой. Начала потихоньку помогать людям. Со временем переманила своего любимого младшего брата со всем его многочисленным семейством в Касли. Тася всегда дружила с теткой,

когда Серафима почувствовала приближение конца, она позвала к себе брата с его старшей дочерью. Долго держала ту за руку и что-то нашёптывала. Дом у кладбища она завещала Таисье, так и договорилась об этом со своим братом. Сестра поставила условие, что племянница переберётся в него, как только выйдет замуж. Так что, когда Кирилл пристраивал свою старшую дочь замуж, он выполнял и своё обещание, данное любимой сестре.

– Дом – это хорошо. Да ты лучше поменьше ей поручений по хозяйству давай. А то чуть что – Тася сделает.

– А я не виноват, что у нас с тобой одни девки народились, с ними каши не сваришь, и дел больших не наделаешь.

– Ты Бога не гневи. Смотри, какие у нас девки хорошие получились, да и сыночек нас радует.

– Ладно, Катя, не переживай. Выдадим Тасю замуж первой, как положено.

– Надо сделать всё по чести. Ты к парням-то, которые вокруг, присмотрись, вдруг что-то и выгорит.

Время от времени Катерина вела такие разговоры с мужем. Ему они не нравились, а её успокаивали, она как бы перекладывала свои печали о дочери на плечи мужа, всегда крепкие и надежные.

И всё-таки первой вышла замуж Таисья, как положено. Познакомились они с Михаилом, её будущим мужем, на покосе. Тася кашеварила на дальних семейных покосах, помогая отцу. В её обязанности входило, конечно, не только

приготовление еды, без горячего-то немного начертоломишь во время страды. Вскипятить чай на костровище, сварить маломальскую похлебку, а если подфартит и удастся разжиться рыбкой, то и уху, запечь картошки, собрать вовремя полдник из запасов, привезенных из дома – всё это делала старшая дочь на покосе. Во время страды они жили с отцом в шалаше по несколько дней. При первой возможности Тася бежала помогать тяте, как звала она своего отца, переворачивать свежую кошенину, чтобы подсыхала, подгребать готовое сено с небольших перелесочков и полянок, метать маленькие копёшки, а если потребуется, и большие зароды.

В то лето трава уродилась на славу, и вдвоем с отцом они не справлялись. Подмоги из дома не предвиделось, там одно бабьё осталось, да еще и мал мала меньше, Федор пока не в счёт. Поэтому отец решил нанять на неделю помощника, молодого парня, которого он присмотрел у своего знакомого с соседней улицы. Племянник приехал к тому из дальней деревни, чтобы тоже помочь дядьке на покосе, да и самому немного развлечься, посмотреть на большие разросшиеся Касли.

Ничего так не объединяет людей, как общее дело – работа. Хочешь узнать человека, обязательно поработай с ним вместе, и всё сразу про него станет ясно. Парень выглядел жилистым, коренастым, волос светлый, местами с рыжа. Они с Таисьей даже казались чем-то похожими друг на друга. Михаил, увидев девушку, сначала удивился, что девка помога-

ет отцу, а затем сразу же впрягся в общую работу от заката и до позднего вечера.

Первый день покоса молодёжь почти не разговаривала, только изредка бросала друг на друга взгляды украдкой. Тася делала это с опаской, как бы отец чего не подумал, да и Михаил тоже. Но парень приглянулся ей сразу же – свой, работящий, не болтун, рядом с ним она чувствовала себя спокойно и уверенно.

Как ни крути, а помощник по покосе – посторонний человек всё равно, особенно это стало ясно, когда подошел к концу их первый трудовой день, и пришло время укладываться спать. Шалаш на покосе Кирилл Афанасьевич когда-то соорудил большим и удобным, в нём для ночевки могло поместиться несколько человек. Но одно дело, когда они все из одной семьи, а тут, нате вам – посторонний молодой парень и девка на выданье. На удивление хозяина выход предложил именно Михаил, оказывается, он умел не только хорошо работать, но чего-то кумекал и по жизни:

– Ночи стоят теплые, я могу переночевать и на свежем воздухе, мне даже так лучше будет. Укроюсь потеплее, если вдруг похолодает к утру.

– Ты не смотри, что днём жарко. Ильин день только прошел, купаться уже нельзя, значит, и утренники дадут о себе знать, – возразил Кирилл Афанасьевич, и тут же предложил: – Мы тебя у входа устроим, ничего, все уместимся.

Тася, услышав разговор, она в это время прибиралась по-

сле ужина у костровища, сооруженного недалеко от шалаша, и подумала:

«Всё равно народ будет болтать, особенно бабы – в одном шалаше ночевали девка и парень. Ну и пусть чешут языками, мне-то что».

Неделя на покосе пролетела незаметно, в тяжелом труде. С приходом Михаила дело пошло шибче, мужики поставили несколько копёшек и больших зародов. Таисья видела, что тятя доволен не только заготовленным в хорошую погоду сеном, а чем-то еще…

За эту неделю Михаил и Тася не особо и разговаривали друг с другом, разве что перекинулись несколькими словами, да и то по делу. Девушка, занимаясь своими женскими делами, погружалась в свои мечтания и немного отстранялась от того, что происходило здесь и сейчас. Иногда она даже потихоньку напевала, что совсем на неё не походило. Дружбу с девушками своего возраста Таисья почти не водила, всё время её уходило на работу по дому и на младших сестер. Как бы хотелось ей пошептаться со своей ровесницей, поделиться сокровенным, посплетничать и посмеяться над этими странными и непонятными парнями.

Неделя промелькнула быстро, временная «бригада» вернулась домой. Михаил получил за работу оговоренное вознаграждение и вернулся в дом своего родственника на соседней улице. Пути Михаила и Таисьи никак не пересекались, и ей стало казаться, что никакого покоса не было и в помине.

Правда, однажды ей почудилось, что мимо дома, когда она случайно выглянула в окно из-за занавески, какой-то молодой парень, очень похожий на Михаила, прошелся несколько раз, посматривая на окна. И ещё Тася стала вдруг замечать внимательные взгляды матушки, которая как будто бы приглядывалась к ней и смотрела на старшую дочь со стороны.

На самом деле, Тасе это не показалось. Дело в том, что Кирилл Афанасьевич после возвращения с покоса, когда рассказывал жене о делах там, обмолвился и о Михаиле.

– Вы, бабы, несмотря на вашу болтовню, оказывается, иногда бываете и правы.

– Ты о чём сейчас?

– Я о твоём совете присмотреться к парням вокруг. Ты ведь понимаешь, что в помощники молодого парня я пригласил не случайно. Я мог бы вполне справиться и без него.

– Я подумала об этом, когда ты объявил о помощнике в этом году, но побоялась говорить тебе, чтобы не сглазить.

– Вечно вам, бабам, мерещится непонятно что. А я ведь удочку Мише закинул…

– Это какую удочку?

– Между прочим, сам додумался, без твоего совета. Тася у нас старшая в семье среди детей, и ей уже готов дом в приданое.

– Это ты хорошо придумал. Я слышала, что парень этот из дальней деревни, и ему захочется перебраться в наши большие Касли.

– Понятно. Значит, вы своими бабскими языками чешете без умолку, всё уже успели обсудить. Ты ведь знаешь, я этого не люблю.

– Точно тебе говорю, Кира, не я начинала, я только слушала.

– Ладно, верю. Надо же и вам чем-то заняться, – с усмешкой ответил муж.

В России свадьбы во все времена было принято устраивать по осени. А что, в этом есть здравый житейский смысл: логическое завершение осеннего хозяйского круговорота, зимняя передышка для устройства семейных дел и, наконец, появление новых детишек к весне. Ведь им лучше всего набираться силёнок весной и летом, они еще понадобятся, чтобы пережить первую зиму в их только начавшейся жизни.

Всё-таки случай позволил встретиться Михаилу и Таисьи, прежде чем парень решил вернуться к себе домой в деревню. В Каслях на каждой улице обычно вырыто по несколько колодцев, которыми пользовались все жители, в огородах их тоже рыли, но почему-то меньше. Причем вкус воды из каждого колодца получался свой, вода почти сладкая, вода с привкусом трав, без всякого вкуса… Встречались колодцы, из которых воду любили брать все, и один из таких колодцев, на счастье Таси и Миши, как раз и находился напротив дома, где остановился парень. Матушка отправила Тасю за водой именно к этому колодцу, конечно, не случайно. В те времена ходили за водой только женщины.

– Тася, голубушка, сходи-ка ты за ключевой водой на соседнюю улицу. Сегодня будем баню топить, хочу поставить большой самовар, чтобы всем почаёвничать с охоткой и побаловаться сладкой водицей.

– Матушка, так водой вёдра полнёхоньки, я с утра на наш колодец ходила.

– А ты не поленись, еще сходи, пригодится; да и чай из неё ароматнее и вкуснее получается.

Таисья, не подозревая о намерениях матери, тут же отправилась выполнять поручение.

Девки в те времена, а шёл третий год после революции, за своей внешностью особо следили, если отправлялись на люди, а здесь, на соседнюю улицу, тоже надо прихорошиться. А это обязательно свежая верхняя юбка, хорошо бы подкрахмаленная, цветастый передник, ну а уж про кофточку и говорить нечего – если светлая, то подсиненная, если цветная, то подкрахмаленная. Головка, конечно, причёсанная и с красивым гребнем. Замужняя баба непременно ходила в платке, девка на выданье платочек тоже должна иметь, мало ли пригодится, но носили его перекинутым через плечо.

Каслинские улицы соединяются между собой проулками, на которые в основном выходят огороды. Правда, могут попасться один-два дома, поставленные между длинными грядами картошки. Идёшь по проулку, и понимаешь, что за тобой никто не наблюдает из окон домов, потому что в проул-

ках домов мало, да и возможность встретиться с попутчиками – очень мала.

Именно в таком безлюдном проулке и встретились Таисья с Михаилом, когда она уже возвращалась домой с ведрами, полными ключевой водой.

– Тася, здравствуй, еле тебя догнал, – неожиданно услышала девушка знакомый голос за спиной, когда поднималась вверх по каменистой дороге, пройдя уже почти половину проулка.

– Ты напугал меня, – от неожиданности она расплескала воду из вёдер. Тася остановилась.

– Я ремонтировал ворота у дома, и увидел тебя у колодца, он же стоит прямо напротив дядюшкиных построек.

– Чего сразу не подошёл? – спросила Таисья, посмотрев на парня.

– У колодца как всегда бабы крутятся, и с нашей улицы тоже. Не хотелось, чтобы на нас пялились, а потом все косточки перемывали.

– Да судачить особо не о чем, вроде бы, – усмехнулась девка.

– А тебе бы хотелось?

– Да… – После некоторого замешательства прозвучал ответ.

Михаил подошел вплотную к девушке, молча снял два ведра с коромысла, поставил их на землю, подхватил налету упавшее коромысло, сунул себе под мышку, и крепко поце-

ловал Таисью…

Свадьбу сыграли после Покрова. Вообще-то эта дата, 14 октября, в жизни Таисьи часто появлялась. Тася это не сразу поняла, ей потребовалось прожить много лет, и пережить многое, прежде чем эти совпадения пришли ей в голову, и заставили задуматься.

Родившись в православной семье, Таисья с малолетства обращала свои взоры к иконе этого Праздника. Это уже потом, став взрослой, она осознанно просила, обращаясь к Богородице. «…умиленно глаголем, покрой нас честным Твоим покровом, и избави нас от всякого зла…». Сначала Тася проговаривала эти слова потому, что так делали взрослые, она просто повторяла за ними. Но потом начала вкладывать какой-то особый, свой личный смысл в эти слова, искренне надеясь на избавление от зла и счастливое развитие событий. Ведь счастья хочется всем…

Народу на свадебное гуляние собралось не так много, конечно, на то имелись свои причины. Ведь Михаил был родом из других мест, и к нему смогли приехать не шибко большое количество сродственников. Времена, а прошло всего три года после революции, стояли ещё голодные и смутные, попробуй, накорми такую ораву, да ещё и угости со свадебным размахом. Но всё равно, все постарались – ведь первой выдавали, как положено, старшую дочь. Гуляли несколько дней, Михаил и Таисья выглядели очень счастливыми.

Молодые сразу же поселились в доме, предназначенном

Таисье в качестве приданого. Дом стоял на той же улице, что и родительский, но на самом углу проулка. Окна его выходили на улицу и в проулок. Дом имел одну особенность – из окна кухни виднелось кладбище. Но человек устроен так, что ко всему привыкает быстро. Уже через пару месяцев молодые хозяева даже не замечали траурных процессий, которые постоянно шествовали мимо их дома, они стали частью их обычной жизни, которая закрутилась и стала отмерять положенные события.

В последний день июля Таисья родила крепкую девочку, очень похожую на мать, и назвали ее Нина. Часто у младенцев через несколько месяцев после рождения меняется цвет волос и глаз, а эта обозначилась миру сразу – своими рыжими волосами в мать, серо-голубыми глазами и веснушками. Эта рыжуха потом всю жизнь занималась выведением веснушек со своего лица, но без особого успеха.

Нина росла послушным и здоровым ребенком, не доставляя больших хлопот матери, которая ушла с головой в домашние женские хлопоты. Семью кормил Михаил. Для этого ему приходилось пошевеливаться, а значит, браться за всякую работу, которая подворачивалась под руку.

Начал он с того, что попытался устроиться на завод. Завод славился каслинским литьем еще до революции, знаменитый павильон литья, представленный в Париже на выставке, отливали именно в Каслях. Но за годы, которые потрясли монархию, завод явно захирел, и рабочих требовалось на него

всё меньше и меньше, да и тех отбирали. В число счастливчиков Михаил тогда не попал, хотя поначалу он этому даже обрадовался – не хотелось ему чертоломить в подсобных рабочих, привык на свободных крестьянских хлебах.

– И чёрт с ним, с этим заводом, Тася, – в сердцах говорил Михаил, вернувшись домой. – Что я, здоровый мужик, не найду, куда руки приложить?

– Ты, Миша, не фронтовик, тебя поэтому и не взяли, – предположила Таисья. – На завод в первую очередь их берут, им с фронтовиками сподручнее.

– Пожалуй, ты права. Повезло, спасибо матушке, родила меня вовремя, что не угодил в эту военную мясорубку, ни в мировую войну, ни в гражданскую.

– Бабы рассказывают, что появились рыбные артели, мужики вместе сбиваются, чтобы прокормить свои семьи.

– Да, вокруг Каслей столько водищи, значит, и рыбы должно быть много. Обращусь-ка я к дядьке, он подскажет.

На этом они и порешили. Работа в артели оказалась не такой простой, как виделось Михаилу. Хотя рыбу старались добывать круглый год, зимний лов случался не очень богатым, но в остальное время бывало и повеселее: щука, карась, чебак, лещ, окунь, ёрш, а также налим, рипус, сиг, елец, корюшка, линь и плотва – постоянно попадались в сети. Летом ставились ловушки и на раков. Тут очень много зависело от погоды, она и определяла удачу рыбаков.

Михаил попал в артель, которая добывала рыбу на озе-

ре Большие Касли. Вода здесь чистая, прозрачная, глубина небольшая – от пяти до девяти метров, иногда там можно видеть, как рыба резвится недалеко от берега.

Рыбацкий труд – тяжёлый, здесь опасность может возникнуть в любой момент, В зимнее время – это холода и ветра, которые особенно пробирают на открытых замерзших ледяных просторах, летом – слишком частые мощные грозы, раскаты которых громогласно прокатывались от неба до земли и далеко окрест, а ветвистые электрические разряды протягивались с небес на землю и загоняли людей в укрытия домов. Только рыбакам было некуда деваться, они просто вжимали голову в плечи, молились и ждали окончания световой феерии. Грозы всегда случались после жаркой, солнечной и безветренной погоды. Часто это природная какофония начиналась сухой грозой с неожиданным появлением шаровых молний, маленькие шарики оранжевого и желтого цвета могли возникнуть даже дома, в закрытом помещении, а заканчивалась гроза проливными дождями. Особенно в это время люди боялись сквозняков, ведь он мог втянуть в дом шаровую и даже ленточную молнию. Южный Урал и зимой и летом показывал человеку, что не всегда человек главнее и сильнее природы.

Осенью, после Покрова, когда Ниночке шел уже третий годик, Михаил заболел. Сначала вроде просто простыл, вернувшись с богатым уловом, который удивил мужиков под занавес осеннего рыбного сезона.

Среди многокилометровой площади озера тут и там попадались острова, они тянулись каменистыми грядами, покрытыми редкими зарослями кустарников, возникая неожиданно из воды и напоминая о том, что есть на белом свете не только вода, но и твердь земная. Рыбе, похоже, нравилось водить свои хороводы вокруг этих островов. В этот раз мужикам ловилась не только привычная рыбная мелочь, а попадались даже благородные рипус и сиг, елец и линь, причем в неожиданно больших количествах. Рыбаки радовались – хороший улов под занавес сезона окажется очень кстати до зимней рыбалки, будет, что продать и накормить свои семьи.

«Простыл и простыл, мало ли как бывает, подумаешь, ерунда какая. Схожу в баню, попарюсь березовым веничком, выгоню эту заразу, и дальше пошёл!» – думал Михаил, когда вернулся домой после последнего осеннего удачного улова, натужно кашляя.

Как обычно, дома его ждала хорошо протопленная баня. Распаренные заранее березовые веники наполняли одуряющим ароматом и предбанник, и, самое главное, саму баню, отмытые щелоком заботливой Таисьей.

Когда-то, в старые времена, по всем Каслям бани топились по-чёрному. В них печка, сложенная чаще всего из больших камней, не имела дымовой трубы, поэтому дым от неё выходил внутрь бани, под потолок. По этой причине сажа и копоть на стенах и потолке окрашивали все вокруг

в черный цвет. Дотронулся нечаянно локотком или уже отмытым телом – и готово, отметился сразу «черной меткой».

Но привычка на бани по-белому прижилась быстро. Неленивые хозяева, подглядев друг у друга, складывали совсем другие печки. Их уже сооружали более аккуратно, без щелей, и печь обязательно имела дымовую трубу. И сразу же стены, потолок, печка перестали покрываться копотью. К хорошему человек привыкает быстро – можно было додуматься и раньше.

Таисья любила собирать травы с измальства, к этому её приучила еще матушка. Ходили они за ними весной и летом, сушили на сеновале, хранили в чулане и амбаре. Аккуратными пучками травы висели в разных уголках подсобных построек. Молодая хозяйка любила заваривать свои травки в глиняной крынке и оставлять их на лавке в уголке бани, вдруг захочется испить травяного чая в конце помывки.

В этот раз сердце Таси почему-то сразу же ёкнуло, как только она услышала, как кашляет муж. Ночью, после бани, у него поднялась температура, всеё его тело горело, и он даже бредил во сне, выкрикивая время от времени очень сердито:

– Сядь на другой край, а то перевернёмся!

Дочку Тася положила в горнице, а сама всю ночь провела около Михаила, которого положила на лавку, рядом с русской печью. Сухое тепло русской печи должно по её задумке, помочь ему, вытянуть жар из заболевшего тела.

Муж провалялся больным целую неделю, что на него совсем не походило. Кашель, температура, сильная слабость… Банки на спину и грудь, травы, горчичники, мёд, горячее молоко, нутряной жир – Таисья перепробовала все, что могла. Ей пришлось даже обратиться в местную больницу после осмотра больного фельдшером. Диагнозов ему наставили множество: простуда, бронхит, воспаление легких, и лечили от них. Но Михаил никак не мог встать на ноги, потерял аппетит, похудел, и главное – все время кашлял. В общем, квелился, как говорили в Каслях.

О работе тоже не могло быть и речи. Семья перебивалась старыми запасами, помогали родители Таисьи. Ей пришлось особенно тяжело в эти дни, да и душа вся исстрадалась за мужа. И на ней оказалось всё домашнее хозяйство, да и маленькая дочь тоже требовала внимания.

Осень и зима пролетели быстро, а к весне Михаилу поставили страшный диагноз – туберкулез. Врачи говорили, что вероятно начало легочного процесса, по тем временам – это почти приговор. Туберкулез тогда не лечили, особенно в маленьких поселках, просто рекомендовали усиленное питание. Так что, если болезнь привязалась, попробуй, побори её.

Таисья все-таки надеялась, что за весну и лето муж сможет преодолеть болезнь. В это время она часто и усиленно молилась, уповая на чудо. Но его не случилось – к Покрову мужа не стало. Теперь, когда она выглядывала в окно на кух-

не, у неё перед глазами находилось не просто кладбище, а то самое место, где упокоился её Миша.

Всё время, в течение которого Тася ухаживала за больным, она ни разу не задумалась о том, что сама может заразиться и заболеть. А вот о дочери своей она беспокоилась, и старалась её оберегать, особенно в последнее время, осенью.

К зиме, после похорон, Таисья начала покашливать сама. У неё тоже признали туберкулез. Она делала все, что ей говорили врачи, но понимала, что они не боги и всё будет зависеть только от неё, от её организма. Вдобавок к их назначенным лекарствам молодая женщина начала пить свои травяные сборы, а потом и детскую мочу Ниночки, на свой страх и риск.

Она с ужасом ждала весны, опасаясь такого же развития болезни, как у мужа, но случилось по-другому – процесс в лёгких остановился, и она пошла на поправку. Она часто вспоминала, что мужу она тоже предлагала лечиться мочой, но он, попробовав, не смог её пить и отказался. А вдруг бы ему помогло?

Дед Василий и Евдокия. 1923 г.

Революцию 1917 года Василий принял безоговорочно. Находился он в это время на фронте, сильно агитировать его большевикам даже и не пришлось. А зачем агитировать, если за душой ни гроша, да и дома его никто не ждал? Шайтанка забрала всю его родню во время очередного разлива. Так получилось, что никому не удалось спастись, ведь все произошло неожиданно, ночью. Конечно, пытались спасти детей и захватить что-то из небогатого скарба. Тогда погибло много народу, мало кому удалось спастись. Василий в это время был на фронте – шла первая мировая война. Чёртово озеро в очередной раз показало свой нрав.

Какое-то время в Гражданскую Василий даже партизанил на стороне красных. К 20-му году ему стукнуло уже тридцать, пришло время устраивать свою жизнь. Война, революция, гражданская – всё вроде бы закончилось.

Прежде чем основательно устроиться в Каслях Василий съездил на родину ещё один раз. Снова посмотрел на родные места, но там его ничего не держало, кроме детских воспоминаний – как мать перед сном рассказывала ему сказку про Змея Горыныча.

Касли он выбрал не случайно, один служивый по фронту уж больно красочно, прямо взахлеб, их расписывал, особенно напирая на озера с чистой и прозрачной водой и на рыб-

ное изобилие. Но самым существенным для окончательного решения оказался тот факт, что в городе работал, не смотря на царящую вокруг разруху, большой заводище. Вот на него Василий Константинович и поступил работать, сначала подсобным рабочим, а потом дело пошло.

Вопрос с жильем тоже решился сам собой. Сначала снимал угол у одинокой бабки и помогал ей по хозяйству. Все это время вкалывал как чертяка, копейку к копейке собирал. Мирная жизнь вокруг потихоньку налаживалась, народ начал обустраиваться, и Василий не терял время зря. Присмотрел себе брошенный пустой дом, не совсем еще старый, и как бывший фронтовик и партизан, справил на него нехитрые документы, и начал его отстраивать. А через какое-то время и поселился в нём.

– Василий, мужик ты видный, одни усы чего стоят, – говорила ему его бывшая хозяйка, к которой он иногда заглядывал. – Семью тебе надо заводить, чего одиноким бобылем ходишь? Да и по бабам хватит таскаться.

Да, на Василия вдовы и бабы заглядывались. Судьба у многих складывалась незавидная, война оставила почти всех без мужиков, а Василий был хоть куда – статный, высокий, подвижный, в его руках всё горело. Многие вдовушки привечали его к себе, но у них росли дети, мал мала меньше, а чужую ораву поднимать не хотелось.

– Правда твоя, баба Нюра. Да не знаю, кого выбрать.

– А ты сильно не раздумывай. Выбирай по душе –

и не ошибешься. Вон у Злоказовых сколько девок баских, бери любую.

– Подумаю, – отговаривался тот и подкручивал усы.

Действительно, усы у Василия выросли знатные, чапаевские, и усы свои он обихаживал, но такие, как у него носили немногие. Острые, тонкой ниточкой, лихо закрученные по краям.

Василий постоянно работал, обзавелся своим домом, ему стукнуло уже тридцать с хвостиком. Касли стали его новой родиной. Пришло время жениться.

Как всегда, помог случай. На дворе стоял сентябрь. Бабка Нюра, а жили они недалеко друг от друга, позвала к себе помочь по старой памяти опустить собранную картошку в подпол. Когда Василий после рабочей смены зашел к бывшей хозяйке, то застал у неё молодую девушку. Имя у нее оказалось красивое и редкое даже по тем временам – Евдокия. В глаза сразу же бросалась её молодость и неопытность, она была моложе его больше чем на десять лет.

Евдокия и Василий несколько раз взглянули друг на друга. Можно ли увидеть человека первый раз в жизни и понять, что тебе с ним будет хорошо, что по жизни это твой человек? Что ты сможешь ради него оставить своих родителей? Именно это и почувствовала Евдокия, она смутилась и чуть улыбнулась.

Василий, тёртый калач в общении с женским полом, вдруг понял, что его вольная жизнь закончилась. Чтобы скрыть

свое смущение, он несколько раз подкрутил свои усы и открыто улыбнулся. Однако вслух обратился к хозяйке:

– Где у тебя картошка, которую надо спускать, баба Нюра? Сейчас мы с Евдокией тебе живо поможем. Смотри, каких два помощника к тебе заявились, успевай, пользуйся случаем.

– У меня уже всё готово. Спускать будем вёдрами, а картошка в кухне, рядом с подполом стоит в больших мешках.

Василий снял верхнюю тужурку и передал её Евдокии, поглядывая на девушку. Затем он спустился в открытый лаз подпола на кухне, осмотрелся там немного, и крикнул, высунув голову:

– Насыпайте картошку и передавайте мне, так дело быстрее пойдет.

Все трое включились в работу. Когда мешок почти освобождался, женщины волоком тащили его к лазу. Василий ловко ставил мешок на плечи и пропадал у них из виду. Троица работала, не торопясь, но слаженно и размеренно. Когда Василий в очередной раз понёс рассыпать картошку в приготовленный заранее загон, бабка Нюра прошептала Евдокии:

– Ты уж на меня не серчай за то, что я попросила тебя подойти сегодня вечерком и помочь мне. Видишь, как дело спорится.

– Тётя Нюра, мне совсем не трудно.

– Ты родителям-то сказала, что ко мне отправилась? А то как бы не потеряли тебя, девка.

– Мы же с вами соседи по огороду, матушка и отпустила запросто. Как не помочь?

В это время из подпола высунулась голова Василия:

– О чем шепчитесь? Не меня ли обсуждаете?

– А чего тебя обсуждать? Ты у нас хоть куда, всё при тебе, – засмеялась хозяйка. – И сейчас как быстро управляешься.

Сентябрьский день, особенно в конце месяца, уже короткий, за окнами стали сгущаться сумерки. Закончив хозяйственные хлопоты, баба Нюра усадила своих помощников за стол. На нём стояла керосиновая лампа, которая освещала скромное угощение – жареную рыбу, чебаков, и томлёную в русской печке картошку, залитую молоком и яичком. В середине стояла пузатая бутылка самогона, заткнутая деревянной пробкой. Крупным ломтями на салфетке лежал свежеиспеченный хлеб.

– Надо бы выпить с устатку, а то замаялись все, – предложила тетя Нюра и посмотрела на Василия, приглашая разливать.

– Я не буду, – раздался тихий голос Евдокии. – Матушке не понравится.

Василию как будто кто-то шепнул на ухо: «Не торопись, успеешь ещё, будет время». Он понял, что от его ответа и действий зависит его дальнейшая судьба. Это как – налево пойдешь, совсем пропадёшь и так далее. И он сказал уверенно и спокойно:

– Если Евдокия не будет, то и я не стану. Завтра утренняя смена, праздников дождёмся, Покрова например.

Василий Константинович потом, всю долгую отмерянную ему жизнь, пил не много и немало, а так, сколько положено мужику без особых вывертов. Но каждый раз, когда он брался за рюмку водки, он всегда вспоминал свой ответ у тетки Нюры. И каждый раз у него перед глазами стояло красивое, зардевшееся лицо Евдокии. Тогда она посмотрела на него своими синими глазами и опустила голову.

«Сговоримся», – прочитал Василий на лице девушки.

За столом они сидели недолго, помощники засобирались домой. Причём закоперщиком выступил Василий и предложил проводить девушку до дома. Сделал он это в присутствии бабки Нюры не случайно, заручившись ее поддержкой.

– Не знаю, где живет Евдокия, а на дворе совсем темнота, хоть глаз выколи. Нужно проводить до дома девушку, как считаешь, баба Нюра?

– Это само собой, собирайтесь, касатики. Она живет не шибко далеко, но проводить девку надо.

Евдокия помалкивала, но не возражала, в Василия это вселяло уверенность. Когда они вышли за ворота, баба Нюра перекрестила их сзади, привычно шепнув:

– С Богом! Доброго пути!

Скорее всего, она имела в виду не только сегодняшнюю дорогу, а что-то ещё.

Баба Нюра вернулась в избу и зажгла свечу, керосин она

сберегала для особых случаев.

Евдокия с Василием пошли вверх по улице, он не знал, куда идти, чувствовал себя неуверенно, но виду не показывал.

– Я хоть и вызвался провожать, да не знаю, куда…

– Здесь совсем недалеко, наши огороды с тетей Нюрой рядом. Я с малолетства в её малиннике пасусь, с разрешения, конечно.

– Неужели я тебе таким старым кажусь, что ты мне выкаешь?

– Нет, просто вы – незнакомый человек, так принято.

– Но ведь теперь мы познакомились, можно и не смущаться. Держись за меня, а то темно.

– Нам надо повернуть в проулок и перейти на соседнюю улицу.

Евдокия несмело взяла попутчика за локоть. Василий почувствовал её легкое прикосновение и обрадовался, девушка ему понравилась с первого взгляда. Правда, его тоже смущала разница в возрасте, но он решил не отступать.

– Я не местный, в Каслях обосновался совсем недавно, но думаю, что всерьёз и надолго. Особенно, когда сегодня познакомился с тобой, понял, буду здесь работать и жить.

– Мы уже подошли к моему дому. – Внешне Евдокия никак не прореагировала на его слова, но Василий надеялся, что она его поняла.

Действительно, она как бы в ответ, перед тем, как забе-

жать за ворота своего дома, осторожно погладила его руку несколько раз.

Евдокию дома поджидала матушка, остальные уже все спали, но расспрашивать ничего не стала. Та обрадовалась этому и юркнула в комнату к сёстрам, Прасковье и Александре, родители им выделили на троих одну комнату. Старшие, Мария и Анна, занимали другую комнату, где они после замужества Таисьи, хозяйничали на правах старших.

Евдокия долго не могла уснуть, перед глазами её то и дело появлялся улыбающийся Василий. Затем она всё-таки провалилась в сон, который обволакивал её и что-то приятно нашептывал.

Проснулась она оттого, что в ее изголовье устроился домашний кот Тимоша, пушистый, настоящий сибиряк. Он зажмурил свои глазища, хвостом щекотал её щеки и мурлыкал бесконечные песенки. Евдокия поутру решила никому не рассказывать про своё знакомство, да и рассказывать пока особо нечего.

Василий, наоборот, заснул быстро и крепко, приняв решение в свой ближайший выходной встретиться с Евдокией. Весь день всё у него ладилось, и жизнь вдруг приобрела смысл. После смены он с какой-то новой силой принялся за обустройство своего дома. До этого он брался то за одно, то за другое, и ничего не заканчивал, а тут у него вдруг нарисовался чёткий план действий. Ему пришла в голову мысль о том, что надо попросить знакомого с завода помочь с обу-

стройством дома. А сегодня вечером он занялся палисадником, хотя раньше думал поставить его весной. Он строгал доски, вымерял их длину, прикидывал нужное количество, в общем, дело спорилось. В этот дом скоро войдет Евдокия, и ей должно все понравиться. Впервые за долгое время он чувствовал себя счастливым.

С утра в воскресенье Василий после мужицкого завтрака, яичницы из пяти яиц, которую он быстро сварганил на летней печке во дворе, решил продолжить заниматься палисадником. Ему хотелось завершить это строительство, пока стояли последние теплые сентябрьские денечки. Тут ему подфартило – он смог выписать на заводе целое ведро олифы, правда, для этого ему пришлось обратиться к своему мастеру, ведь купить олифу можно было только на рынке, и то – по бешеной цене. Но хотелось сделать все добротно, хорошо бы и краски раздобыть, но это к весне – если повезет.

Василий крутился перед домом, ворота во двор стояли нараспашку, иногда мужчина забегал вовнутрь за недостающим инструментом. Дело двигалось неплохо, он наметил побольше сделать до обеда, потому что на вечер у него созрел план.

Евдокия с утра помогала матери готовить завтрак, как самая младшая из сестёр. Её сёстры, конечно, тоже в этом участвовали, но увиливали под разными предлогами от готовки. Сегодня – в воскресенье – Екатерина Ивановна задумала блины. Под них у неё имелась специальная глиняная

корчажка, в которой ставили тесто – малую квашню. Семья большая, и блинов надо печь много. Стопка постепенно увеличивалась в размерах, вокруг ещё крутился младший Фёдор, который на правах любимца и единственного брата таскал горячие блины сверху стопки. Причём успевал их обмакнуть в плошку со сметаной, которая уже стояла на маленьком столике в сторонке. Фёдор явно мешался матери. Она боялась, что он ненароком попадет под горячую сковороду.

После воскресного завтрака Екатерина Ивановна попросила Евдокию отнести ещё теплые блинчики Таисье, дом которой находился рядом с кладбищем. Дочь с удовольствием согласилась, ей хотелось побыть одной, она всё еще вспоминала Василия.

– Заверни блины в тёплый платок, а то простынут, пока несёшь, – наказала мать.

– Что передать на словах?

– Скажи, что мы соскучились, она давно к нам не заходила. Не забудь Ниночку поцеловать за меня, свою племянницу, ей уже второй годик пошёл, большая совсем стала.

Таисья сейчас жила через несколько улиц от родительского дома, их дом с Михаилом находился в конце улицы, и Евдокия решила подойти к нему не со стороны проулка, а спуститься с горки, пройдя вдоль улицы. В конце пути она перешла на ту сторону, где стоял дом.

Через дом от Таисьи какой-то мужчина мастерил палисадник. Евдокия пригляделась и опешила, ей показалось, что

это Василий.

«Неужели блазнит, наваждение какое-то…» – подумала она.

Переходить на другую сторону улицы показалось ей ребячеством, и она нерешительно двинулась вперёд. Девушка подумала, что уже давно не заходила к старшей сестре в гости, последний раз когда-то летом, вместе с матушкой. Она и не подозревала, что в соседнем брошенном доме поселился именно Василий.

Он тоже заметил приближающуюся девушку, и сначала удивился, а потом обрадовался.

– Евдокия, неужели ты здесь случайно оказалась, я в это не верю.

– Я иду к сестре, – стала как бы оправдываться та. – Меня родители отправили, матушка.

– Я знаю, что через дом рядом живет молодая семья.

– Это Тася, моя старшая сестра.

– Когда пойдешь обратно, не убегай, я провожу тебя.

– Воскресенье, тут столько народу вокруг, неловко как-то.

– Пусть привыкают, – заулыбался Василий и подкрутил свои усы. – Учти, я тебя теперь буду всегда караулить…

Таисья обрадовалась, увидев сестру. Она занималась домашними хлопотами, разбирая лук и чеснок на зиму, и приглядывала за маленькой дочкой, Ниной, которую она определила в углу горницы, огородив ей пространство для детских забав. Михаил, её муж, отправился к своим родствен-

никам, те попросили помочь – перебрать и заменить нижние венцы бани к зиме.

– Давненько ты к нам не заходила, Душа. Сейчас мы с тобой почаёвничаем, блины твои кстати, мне самой с ними не с руки возиться.

– Наверно, ребёнок у тебя все время отнимает.

– Ничего, слава Богу, уже пошла, но лезет везде. Лучше расскажи про себя, поди, от кавалеров отбоя нет, ты у нас красавица, вся в маму.

– Нет, особо никого нет.

– Погоди, осень на дворе, будут вечёрки и посиделки у какой-нибудь бабки, парни туда и набегут.

– Тася, я же самая младшая, мне спешить некуда, впереди меня вон сколько сестер – их черед.

– Так это же раньше очередь соблюдалась, а сейчас – новые времена, у кого как получится. Смотри, успевай, пока молоденькая.

– Ты счастливая, вы с Мишей любите друг друга.

– И у тебя всё будет, вот увидишь.

Пока сёстры болтали за столом на середе, к ним выбегала девчушка, и хватала блины прямо со стола, возвращаясь к своим куклам в горницу. Куклы Таисья нашила дочери сама.

– Душа, ты ничего не слышишь?

– Нет, а что?

– У меня слух хороший, Ниночка приучила вставать к ней

по ночам. Мне кажется, что на нашей скамейке у ворот кто-то сидит, возится на месте, кашлянул вроде.

– Ворота я закрыла на внутреннюю щеколду, когда пришла.

Таисья выглянула в окно:

– Точно, там кто-то есть, вон, загораживает щель почтового ящика. Неужели опять цыгане? Они меня всегда пугают.

– А им что тут делать-то?

– Под видом, что на кладбище пришли, они по домам бегают, гадают для вида, и выпрашивают, у кого насколько таланта хватит.

– Тася, я знаю, почему ты их боишься, мама рассказывала.

– Как же их не опасаться? До сих пор не могу забыть того случая, когда мы с Мишей только что в этом доме поселились…

***

…Действительно, это случилось в первый год их совместной жизни. Они, как и все молодые, только начинали обживаться. Хоть времена стояли и трудные, совсем недавно закончилась Гражданская война, молодым на свадьбу родственники подарили немного домашнего скарба – всё, что нужно семье на первое время. Самое главное – это дом, который Тасе достался в приданое, как старшей дочери от её тетки Серафимы. Дом стоял несколько лет пустой, в него и поселили после свадьбы Тасю с Михаилом.

В послевоенные 20-е годы все обживались трудно, но для

молодых семей старались всем гамузом: каждая тряпочка, каждая сковородка или кастрюля были на счету. Тасино приданое её матушка, как и все, собирала в сундук, как принято: простыни, полотенца, наволочки, скатерти, кружевные салфетки, кружева, одеяла, отрезы материи, праздничная одежда – всё туда, в сундучок. Отец Таси слыл неплохим плотником, мастерил мебель для дома, делал не только для себя, но и на заказ, лишняя копейка всегда пригодится. Сундук для дочери Кирилл Афанасьевич украсил и выжег на верхней крышке и боковых стенок узор в виде еловых шишек. Получилось «баско», как любила говорить Таисья. Сундук с приданым водворили на почётное место в горнице, именно он и оказался поводом для переживания молодой хозяйки.

Тогда приближался Новый год, Михаил отлучился по хозяйственным делам, Тася возилась на кухне, поглядывая в окно, выходящее в проулок. Вдруг она увидела проходящих мимо трёх цыганок. Они громко смеялись, махали руками и показывали на окно, видимо, заметив её. Тася сразу насторожилась, но тут же успокоила себя – ворота изнутри закрыты, так что она в безопасности. Но не прошло и нескольких минут, как она увидела цыганок уже у себя во дворе. Они как-то исхитрились и смогли поднять щеколду на воротах.

Цыгане, они такие, их праздная жизнь заставляет пошевеливаться, надо же им каким-то образом кормиться. Таисье захотелось набросить крючок на дверь в сенках, и таким образом защитить себя, но пока она шла к сенкам, одна цыган-

ка уже вбежала по крыльцу, прошла через сенки и открыла входную дверь в избу.

– Здравствуй, дорогая хозяюшка, – тут же услышала Таисья. – Не бойся, нам много не надо, напои нас только водицей.

– Доброго здравия в этот дом и достатка! – присоединилась к своей товарке вторая вошедшая цыганка.

Третья из них, самая старая, стояла у порога, помалкивала и внимательно смотрела на хозяйку своими чёрными с поволокой глазами.

У порога вся троица находилась недолго. Сначала они усадили свою старшую на табуретку у стола, а затем и сами расположились на лавке у двери. Таисья оказалась как раз в центре середы, спиной к закрытой двери горницы, как бы охраняя вход в неё.

– Милости просим, коль не шутите, – наконец проговорила и она, приняв решение сразу не ссориться, а всё по возможности разрешить мирным путем. – Чего-чего, а водицы у меня найдется много.

Она прошла на кухню и зачерпнула ковшиком из бочки колодезной воды. Роли у этой троицы цыганок, похоже, были заранее распределены: старшая буравила Тасю своими угольками-глазами, средняя вела беседу, убалтывая хозяйку, а младшая внимательно изучала, что где расположено и примерялась к будущим действиям.

– Ой, спасибо. Колодец у вас вырыт в правильном места,

люди знали толк, вода просто сладкая.

– Мы тоже довольны ею, – отвечала Таисья. Она не знала, что ещё сказать, чтобы незваные гости покинули её дом, но те не собирались этого делать.

– Мы хотим тебя отблагодарить за твою доброту. Давай мы тебе погадаем, касатка.

Таисья от гадания отказалась, сославшись на домашние дела. Но цыганки не отступали. Самая младшая тут же разложила карты на краю стола и приготовилась рассказывать, что видит, поглядывая на хозяйку и качая головой.

Другая обратилась напрямую к Таисье.

– Нам с сестрой от тебя ничего не надо, а вот матери нашей нужна помощь, накорми ее чем-нибудь горяченьким, мы с утра ничего не ели и не пили. От своих отбились, а в дороге давно…

Таисья достала из русской печки чугунок с томлеными щами из квашеной капусты, приправленной бараниной. Щи дымились, аппетитный запах разносился по всему дому. Она поставила на стол каравай домашнего хлеба, испечённого загодя, несколько деревянных ложек и высоких глиняных плошек, которые служили тарелками. Сама хозяйка села на табурет рядом с печкой.

– Кушайте. Чем богаты…

Отказываться никто не стал, все подсели к столу. Всё это время старая цыганка так и не проронила ни слова, а только буравила глазищами Таисью. Та почувствовала, что её вдруг

сморило, и она готова погрузиться в приятную дрему или крепкий сон.

Так и случилось, её глаза закрылись сами собой. Что интересно, она почти спала, но ясно слышала, что происходит вокруг неё, все передвижения и разговоры. Всем руководила старуха:

– Хватит рассиживаться за столом, не едали что ли… А вдруг кто-нибудь придёт? – ворчала она. – Маша, забери карты со стола, а то впопыхах забудешь. Роза, быстро в закрытую комнату, оглянись там внимательно.

Две сестры тут же вскочили из-за стола и ринулись исполнять указания старшей цыганки, которая продолжала:

– Шевелитесь, она скоро очухается. Берите из того, что найдете, только половину. Она к нам отнеслась по-человечески, пусть и ей что-то останется.

Через некоторое время троица цыганок стояла у порога двери. Две сестры держали в руках по большому узлу, в который хорошо уместилось чужое добро. Старуха выходила последней:

– А тебе, девка, напоследок и на память вот что скажу: я тут глянула в карты, которые разложила Мария, она у нас мастерица по этому делу, лучше всех гадает. Судьба у тебя не простая, но жить будешь долго, родишь одного ребенка – дочь, замуж пойдешь два раза, будешь лечить людей, в конце жизни оступишься, окараешься, а на нас не серчай…

Таисья проснулась, но цыганок и след простыл. Двери

в горницу и сенки стояли приоткрытыми, и весь дом выстудился. Она сразу бросилась в комнату и увидела открытый сундук, вокруг него валялись вещи и её приданое, большая часть украдена, но унесли не всё.

Михаил вечером застал жену плачущей, успокаивал её, как мог, пообещал сделать хитрую щеколду на ворота, чтобы открывалась дополнительным ключом. Он радовался, что всё закончилось так, ыедь могло быть и хуже…

***

– Тася, сестричка, не бойся, там, за воротами никого нет, а если кто и был, то ушёл, никакие не цыгане…

– Душа, я все вспоминаю слова, которые слышала от цыганки сквозь сон, который навалился на меня так неожиданно.

– Да мало ли что они болтают, эти цыгане, на это они мастера. Знаешь, я, пожалуй, пойду.

Евдокия засобиралась домой. Перед выходом зашла в горницу, чуть поиграла с Ниной в её куклы, погладила девчушку по рыжей шевелюре. Та уже что-то лепетала в ответ и улыбалась знакомой тете.

Таисья проводила сестру до ворот, закрылась на все засовы и, немного успокоившись, вернулась в дом. До вечера, пока не вернется Михаил, ей требовалось переделать ещё массу дел, и за дочерью нужно приглядывать. Она выглянула из окна горницы, чтобы посмотреть, куда пошла сестра – в проулок или по улице, но никого не увидела.

Евдокия, выйдя за ворота, немного подумала, в какую сторону отправиться. Решила – мимо дома Василия не пойдет, хватит, сегодня повидались. Если уж она оказалась в этих краях, стоит забежать к своей подружке, которая жила на соседней улице, рядом с кладбищем. Вообще девушка побаивалась этого места и старалась пробегать мимо него поскорее, но сегодня, в воскресный день, народу вокруг толклось много, все навещали своих ушедших.

Делали это каслинцы всегда основательно, не торопясь. Приходили на кладбище семьями, захватив с собой пироги с рыбой, картошкой, оладьи, пышки, пирожки с сушеной ягодой, всё, что положено для помина. Не забывали, конечно, и горячительные напитки, которые припасали заранее.

Евдокия посмотрела на кладбище, мысленно перекрестилась и направилась к нужному ей дому.

***

Евдокия и Василий сыграли свадьбу под Новый год. Василий придерживался новых праздников, и его не останавливали посты и другие «каноны старорежимной жизни», как он любил говорить. Евдокия прислушивалась к мужу, но попросила его уважить ее родителей и не играть свадьбу в Рождественский пост.

Со стороны Василия на свадьбе присутствовало совсем немного гостей, только его новые знакомые с завода. Озеро Шайтанка закрыло покрывалом неизвестности всё его прошлое, сейчас он принадлежал Каслям, и Евдокия накрепко

привязала своего мужа к новому месту.

Кирилл Афанасьевич и Екатерина Ивановна, хоть и сильно удивились неожиданному знакомству младшей из дочерей, не противились свадьбе. Василий пришелся им по сердцу – работящий, старше по возрасту, уже обзавелся собственным домом.

Сыграло немалую роль и то обстоятельство, что Василий прислонился к новой власти, служил в партизанах. Уже прошло больше пяти лет, как вновь пришедшая власть установилась и потихоньку набирала силу. Похоже, старую жизнь не вернёшь, а в новой придется устраивать и остальных дочерей. Значит, так распорядилась судьба – выдать замуж сначала старшую дочь, по ранее заведённому порядку, а потом – по-новому – и младшую. Новой власти всё равно, кто за кем выходит замуж, вышла – и уже хорошо. В России всегда туго с мужиками. Где их брать-то, особенно хороших, надежных, верных и работящих?

Получается, что Таисья как в воду глядела, когда расспрашивала сестру про любовные мечты; та и не собиралась, а жизнь сама распорядилась. Две сестры оказались соседками домами и молодыми хозяйками на своих подворьях.

Ребеночек у Евдокии родился аккурат в Покров, 14 октября. Родилась девочка, крепенькая, спокойная, очень похожая на своих родителей: волосики русые, глаза синие в мать, носик точеный, в отца, который тоже не был обделён мужской красотой. Назвали девчушку Александрой, а мать называла

е1 Шурочка. Девочка пошла рано, до года, особых хлопот родителям не доставляла.

Екатерина Ивановна, бабушка уже двух внучек, частенько навещала улицу Кирова, где поселились Нина и Александра, двоюродные сестры. Сначала к одной забежит, которая помладше, затем – к другой наведается. Какая женщина останется равнодушной к маленькому ребенку, особенно, если он грудничок? Екатерина Ивановна смотрела на свою кормящую дочь и вспоминала своих вскормленных бессонными ночами и выращенных материнскими хлопотами детей.

Шурочка любила засыпать на груди у матери. Тогда путь её бабушки пролегал чуть дальше, по улице, на угол, к Ниночке. Та уже вовсю болтала, как взрослая, играла в дом, а если ей и это надоедало, то крутилась вокруг матери, участвуя изо всех сил во взрослых делах.

Народ во все времена мудрый. Какие пословицы и поговорки он передает из поколения в поколение! Например, «пришла беда – отворяй ворота».

Первая беда посетила дом Таисьи, заболел и не смог поправиться её муж, Михаил. Нина стала сиротой, и овдовела её мать.

Вторая беда накрыла дом Василия. Всё произошло в Покров. В этот день Шурочке исполнился ровно год. Василий ушел на завод, как обычно в будний день, а Евдокия с утра затеяла стряпню, и решила поджарить себе лепешки на свином масле. Поела с аппетитом, горяченьких лепешек дала

и дочери. Разжарилась она у очага и выпила целый ковшик колодезной холодной воды, которая хранилась в сенках, там поверху даже плавали тонкие льдинки.

Через короткое время она почувствовала резкую боль. Почти теряя сознание, она всё-таки выползла из дома и обратилась к соседям за помощью. Прибежала Таисья, и Евдокию увезли в больницу на лошади. Однако помочь ей врачи уже не смогли, диагноз оказался одновременно очень простым и страшным – заворот кишок. В этот день сиротой стала Шурочка, и овдовел Василий.

Обе молодые семьи оказались порушены. Они должны были учиться жить дальше, поднимать девчонок, жизнь, не смотря ни на что, требовала усилий каждый день. Василий с утра уходил на завод, заносил Шурочку к Таисье, ее родной тетке. Девочка потеряла мать и часто плакала, даже во сне, плохо кушала, то и дело капризничала. Ниночка на правах старшей приглядывала за сестрой, помогала матери, вовлекала сестру в свои детские игры. Любимое занятие у Нины стала игра в дом и в магазин. Шура не всегда понимала, что от нее требуется, но по мере сил принимала участие.

– Мама, она совсем меня не слушается, – обращалась Нина к Таисье. – Я ей говорю, что надо по утрам пить парное молоко, а она его специально проливает, отталкивает рукой.

– Ниночка, она еще очень маленькая, но ведь она старается. И потом, не забывай, Шурочка потеряла свою маму.

– А я потеряла своего отца, но ведь тебя слушаюсь…

У Таисьи на глаза наворачивались слезы, когда ей приходилось выслушивать от дочери такие слова, но она не сдавалась – два года вдовьей жизни приучили её к терпению. Она всё время что-то делала: пекла хлеб, варила похлебки, стряпала, стирала, гладила, присматривала за девчонками, ухаживала за домашней живностью на два хозяйства, в общем, выбивалась из сил, чтобы забыться.

После завода Василий забирал дочь и отправлялся к себе домой. Таисья снабжала его едой, он, в свою очередь, приносил продукты, и молча оставлял на столе часть своих заработанных денег. У Таисьи в доме появились деньги, до этого, после смерти мужа, ей помогали родители, и она зарабатывала небольшую «копейку» врачеванием и гаданием. Когда Василий работал в ночные смены, Шурочка ночевала в доме тетки.

Так прошло полгода.

– Таисья, нам надо поговорить серьёзно, и все обсудить, – однажды произнес Василий, когда зашел после смены за дочерью, и сел на табурет у входа.

У Таисьи всё обмерло внутри, и она тихонько заплакала.

– Слушаю тебя. Что скажешь?

– Плачь не плачь, а решать придётся, время пришло. Хотя жизнь за нас уже всё сама решила, соседи нас давно уже поженили, а мы с тобой всё сопротивляемся.

– Василий, мало ли что болтают люди, им ведь без этого

скучно, а мне некогда скучать, у меня дел по горло.

В это время с улицы забежали девчонки, на дворе стоял апрель, журчали ручьи, пели птицы – весенний гомон не давал печалиться. Шурочка увидела отца, обрадовалась, но подбежала к Таисьи и обняла её.

– Вот видишь, Тася, ребёнок всё расставил по своим местам, – засмеялся Василий, и как бы в ответ, слегка приобнял старшую девочку.

Нина никак не ответила на его движение, она просто позволила ему это сделать, не противилась и по-взрослому посмотрела на мать.

– Они обе мне родные, Вася, сам посуди, не думай и не волнуйся, отличать их не стану.

Говорила Тася искренне, но почему-то вдруг ей подумалось: кого это она сейчас уговаривает – Василия или себя? Она тут же отогнала коварные мысли прочь и засуетилась, начала помогать раздеваться Шурочке и собирать на стол.

– Ты не спеши, я до ужина заскочу к себе домой, возьму кое-что из наших с дочкой вещей. С сегодняшнего дня мы живем вместе, и у нас начинается новая жизнь. – Василий встал, подошел к своячнице и крепко обнял её.

Существует расхожее мнение о том, что браки совершаются на небесах. Многие сомневаются в этом, пытаясь самостоятельно вершить свою судьбу. При этом они совершают странные, как обдуманные, так и необдуманные поступки, убеждают себя и других в правильности принятых решений,

но делают при этом массу глупостей, а там уже – как карта ляжет, что-то ведь должно получиться. Потом вдруг начинают удивляться, почему они несчастливы, куда подевалась любовь и можно ли прожить без неё? А может, в этой жизни имеет значение простой здравый смысл, стечение удивительных жизненных обстоятельств?..

Сегодня Таисья и Василий чувствовали себя счастливыми, девчонки тоже улавливали это настроение взрослых. В один день жизнь у всех четверых переменилась, но теперь она потребует усилий от каждого.

Василий быстро собрался и ушел. Как только за ним захлопнулась дверь, Таисья тут же прошла в горницу, опустилась на колени перед божницей, которая находилась в правом углу. Там стояли дорогие для неё иконы, к которым она обращалась каждый день. Тася стала истово молиться и бить поклоны. Девчонки сначала смотрели на неё с удивлением, но затем подбежали к ней, сначала Шурочка, а потом Нина. Обе обняли её и Шурочка заплакала.

– Дочки мои, молитесь, обращайтесь к Богу, и он вас обязательно услышит.

– Обращаться – это как, просить чего-то? – уточнила Нина.

– Конечно, нет. Надо просто верить, что он вам поможет.

Шурочка внимательно слушала, сразу перестала плакать и решила заняться своими более важными делами – её ждали куклы. У каждой из сестер они были свои, любимые, для ко-

торых Таисья нашила всё необходимое: платьица, фартучки, маленькие одеяла, подушечки, покрывала, полотенца и салфетки. Кое-что она даже вышила, как у взрослых. Все ждали Василия к ужину.

Шура и Нина. Каша. 1928 г.

Разница по годам у Шуры и Нины выходила совсем небольшая, всего два года. Поначалу этим пользовалась, конечно, старшая сестра. Потом, в юности и дальнейшей жизни они частенько вспоминали историю про манную кашу.

Родители держали корову – кормилицу Дуньку. Это стоило великих трудов, но без неё было никак не прокормиться, зато дома всегда водилось молоко, творог, масло, сливки и сметана. Девчонок требовалось «поднимать», растить, а значит, кормить. Всё это молочное изобилие больше предпочитала старшая, а младшая обожала только манную молочную кашу.

Мать всегда варила девчонкам разные каши, но с манной кашей была проблема – манную крупу в магазинах не продавали, её доставали по случаю, к праздникам или на рынке, втридорога. Манную крупу Таисья хранила в амбаре, в небольшом закрытом сундуке, в холстяном мешочке. Это удобно, на свежем воздухе, в защищённом месте и подальше от детских глаз. Дело в том, что если бы была такая возможность, манную каша Шура бы ела каждый день, и не по одному разу.

– Мам, сегодня воскресенье, ты с вечера поставила квашню, значит, будет праздничная стряпня, а ты будешь варить нам с Ниной мою любимую кашу? – с утра канючила млад-

шая.

– Шура, ты забыла, я ведь на неделе её уже варила, – напомнила Таисья.

– В воскресенье всё равно положено, я знаю. Ты так всегда делаешь.

Шура сидела в кухне на лавке, у окна, поглядывала на прохожих в проулке и вела наблюдение за матерью, вернее, «вымарщивала» любимое блюдо.

– Нине-то хорошо, она своего молока с утра надулась. А обо мне кто подумал?

– Ладно, сходи в амбар, отсыпь в плошку крупы. Ты знаешь, где она хранится, да смотри, не просыпь.

Повторять свою просьбу не требовалось, трехлетняя крепенькая Шура мгновенно соскочила с лавки и шустро направилась во двор, накинув на себя для видимости теплую шаль. Вернувшись, она снова уселась у окна и стала внимательно наблюдать весь процесс варки любимого лакомства.

Дома стояло много посуды, но готовую кашу, политую конопляным маслом, мать почему-то всегда выливала в одну большую невысокую тарелку на двоих, несла на середу и ставила на стол. Нина сразу же оказывалась рядом, они никогда не пропускала начало трапезы. Как только девчонки вооружились ложками, Таисья разделила своей деревянной ложкой растёкшуюся и уже немного застывшую массу каши пополам, и провозгласила:

– Всё по-честному, поровну. Приступайте.

– Каша получилась у тебя жидкая, она перетекает на Нинину сторону, – тут же завопила Шура.

– Ты лучше меньше болтай, а то мне точно больше достанется, – с определённой долей взрослого сарказма проговорила старшая.

– Мама, я тебя прошу, посмотри сама – сегодня на ее стороне получилось больше масла, чем у меня, – не унималась младшая, – и ест она гораздо быстрее меня. Значит, потом она будет есть мою кашу.

Процесс насыщения продолжался некоторое время и сопровождался непрекращающимися упреками со стороны Шуры и мудрыми советами со стороны Нины.

Пожалуй, только эту манную кашу сестры не могли никогда разделить между собой, всё остальное протекало мирно. На двоих им вполне хватало и папки, и матери. Нина с первых же дней Василия стала звать «папка», этим обращением она напоминала себе о своем родном отце. Шура, глядя на старшую сестру, тоже всегда также обращалась к отцу, в этом обращении звучал знак равенства между сестрами, и это воспринималось всеми вокруг, как должное.

Шура и Нина. Учеба. 1930-е годы

Взаимоотношения с учёбой у каждой из сестёр тоже сложилось по-разному. Первой в школу отправилась, конечно, Нина, ей сразу же понравилось учиться и у неё это неплохо получалось. Первые бантики в рыжие пышные волосы, специально пошитые матерью юбочки, кофточки и фартучки, выданные в школе учебники, и первый школьный портфель, приобретенный по случаю на ярмарке к началу учебного года – всё это показывало другую жизнь, вне дома. Да, Нина поняла это не сразу, но, когда осознала, то стала учиться не просто по обязанности, а с неподдельным интересом и старанием. Она всегда учила уроки без напоминаний и принуждений, понимая очень важную вещь для себя – учеба – волшебный ключик, которай откроет ей другой мир.

Хоть Шура и отправилась в школу на два года позднее сестры, ей пришлось познакомиться со школьной атмосферой значительно раньше. Всё произошло благодаря Нине, которая сразу стала вовлекать сестру в школьную муштру, оттачивая педагогические приемы воспитания и образования на Шуре.

Если раньше они играли в дом, куклы и магазин, то сейчас появилась удивительная и новая игра – школьные уроки. За два года, пока младшая не отправилась в школу официально, она исписала буквами и цифрами самодельные тетра-

ди из газет в таком количестве, что их нехватку тут де почувствовал хозяин дома, Василий. Он-то газеты использовал для действительно важного дела – крутил из них самокрутки для табака – «козьи ножки». Табак Таисья выращивала на специально отведенной грядке в огороде. Девчонки со своей школьной писаниной составили отцу явную конкуренцию.

Играли девочки в горнице рядом с печкой-голландкой, там они сделали себе место для своих любимых кукол, но уже к Новому году, через несколько месяцев после начала учебы Нины, куклам и другим игрушкам пришлось потесниться. Василий, по просьбе старшей дочери, смастерил им небольшую школьную доску, мел девчонки раздобыли сами, стараниями Нины. Та вставала к доске как настоящая учительница, а Шура садилась на маленькую табуреточку, и писала в самодельных тетрадях из газет, сшитых матерью, на высоком твердом венском стуле. Чернильницу с перьевой ручкой они тоже припасли. Каждый урок начинался со «школьного звонка» – колокольчика, который нашли сёстры в кладовке.

– Здравствуйте, класс! Прошу всех встать! – торжественно начинала Нина. – Сегодня у нас три урока.

– Нина, ты забыла, вчера мы договаривались только на два, – сразу же напоминала Шура.

– Ты все перепутала, расписание утверждено самим директором, и я ничего не могу изменить.

– Тогда я буду жаловаться, – не сдавалась Шура.

– Кому это? – немного выбивалась из роли учительницы Нина.

– Маме, конечно.

– Директор главнее и важнее всех.

– А у нас дома самая главная – мама.

– С чего это ты взяла, Шура?

– Спроси у папки, он тебе точно скажет, – тут же говорила младшая.

После таких обычных пререканий и дополнительного звонка колокольчика, наконец-то начинался первый урок, который особенно не нравился Шуре – чистописание. Тут же раздавался командный, не терпящий возражения голос Нины:

– Класс, все открываем тетрадки по чистописанию. Сегодня будем заниматься новым, очень важным и трудным заданием.

– А ты говорила, что я плохо справилась еще со старым заданием, – тут же доносилось с места.

– Шура, нельзя, не-до-пус-ти-мо, выкрикивать с места! – новое слова Нина-учительница говорила по слогам, медленно и с удовольствием. – Ты только представь, что будет, если все в классе все начнут говорить одновременно и вслух!

– Нина, но я-то здесь одна. Посмотри, кроме нас, никого нет.

– Шурочка, а давай наших кукол тоже посадим учиться.

– Ты можешь своих садить за уроки, сколько хочешь, а я свою Машеньку раньше времени в школу не сдам.

– Почему это?

– Ничего в твоей школе хорошего нет, – решительно произнесла Шура. – Я свою Машу в обиду не дам, – отбивалась Шура от школы и от своей сестры.

В перерывах между возгласами младшей сестры и попытками самозванки-учительницы вести урок Шуре предлагалось писать настоящими чернилами в самодельной тетрадке прямые и наклонные палочки. Получалось это у будущей школьницы не очень аккуратно, главным препятствием оказывались чернильница и перьевая ручка, из-за которой в тетради постоянно появлялись жирные кляксы.

Многострадальный урок наконец-то подошел к завершению, прозвучал колокольчик, и Шура тут же выскочила из горницы к матери. Она настойчиво канючила:

– У меня заболела голова, я учиться сегодня больше не могу. Только ты сама скажи об этом Нине. Я хочу гулять на улице.

– Шурочка, так уже темнеет, посмотри. Куда ты собралась на ночь глядя?

– Я буду гулять только во дворе.

Тут был ещё один важный момент, если Нина в школе получала хорошие оценки, то Шуре от сестры доставались в лучшем случае «трояки», а то ещё и ниже. Поэтому когда младшая сестра отправилась учиться в настоящую школу, то

настрой у нее был совсем не праздничный. При этом все вокруг ей в пример, конечно, приводили Нину, она и такая, и такая, в общем, однозначно, лучше всех, а уж Шуры-то точно.

Это не помешало Шуре завести в школе новых подружек, с которым она с удовольствием проводила много времени, без особого сожаления отрывая его большую часть, предназначенную для выполнения домашних заданий, в общем «хлесталась на улице», как говорила мать. Игра в городки, набор чурочек для которой Василий сделал по просьбе дочери, игра в классики перед домом в хорошую погоду – классики чертили прямо на земле палкой, игра в прятки занимали Шуру значительно больше, чем учёба. Но это совсем не мешало ей исправно переходить из класса в класс и мечтать об окончании школы.

Шура родилась осенью, поэтому в школу пошла почти в восемь лет, ей намеренно дали возможность ещё насладиться детством. Тем более росла она без родной матери, и её жалели.

Нина родилась весной, она отправилась за парту ровно в семь лет. Проучившись семь лет, она задумала уехать в другой город, в ста километрах от Каслей. Учеба в техникуме открывала возможность оказаться в настоящей жизни быстрее и попробовать самостоятельную жизнь раньше.

Шура отучилась в школе положенных девять лет и пошла работать на завод. Профессию она выбрала тогда очень мод-

ную – радиомонтажница.

Шура и Нина.
Взрослая жизнь. 1940 г.

Все в юности мечтают о взрослой жизни, но особенно девчонки. При этом они занимаются не только строительством воздушных замков, но и предпринимают к этому конкретные шаги.

Учёба в техникуме по тем временам воспринималась как реальный трамплин куда-то вверх. Когда Нину отправили в другой город, то, конечно, волновались за её житье в общежитии. В пользу этого «наполеоновского» плана сыграл тот факт, что вместе с ней туда решила отправиться и её близкая родственница Люба, младшая дочка Пашеньки, родной любимой сестры Таисьи. Все родственники решили, что вдвоём девчонкам будет сподручнее на новом месте, да и родителям не так за них волнительно. Конечно, думали, что те будут приезжать домой, но не больно-то часто наездишься за сто километров.

Пока всё взвешивали, Таисья с Пашей частенько бегали друг к дружке, благо жили через улицу, одна на Кирова, другая – на Ворошилова. В тридцатые годы многим улицам давали имена героев революции.

– Пашенька, что же это такое наши девки удумали? – сетовала Таисья, расположившись на лавке рядом с печкой, ко-

торая делила одну большую избу на две части, праздничную и повседневную. Гостья осталась у входа, заявив о том, что забежала ненадолго.

– Моя тоже, как с ума сошла, одно твердит – поедет учиться в другой город, – соглашалась она. – Ведь они с детства вместе, не разлей вода, и в классе одном учатся.

– Мой Василий не встревает особо, помалкивает. А твой что говорит?

– Да и мой не сильно что толкует. А что ты хочешь? Ведь они оба не родные отцы, так выходит.

Каждый раз, когда сёстры начинали невольно вспоминать своё первое замужество, они сначала принимались, конечно, реветь, а затем ударялись в воспоминания. Занимались они этим нечасто, если случай какой подвернется, как сегодня. Главное, чтобы нынешних мужей поблизости не случалось. Афоня, второй муж Паши, уехал сегодня из дома по делам. Слыл он хорошим «пимакатом», как говорила Паша, валял валенки, хорошие, крепкие, ладные.

– Да, Пашенька, что говорить, Афонюшка твой мужик добрый.

– Что бы я без него делала… – поддакнула Паша, – как бы троих детей поднимала, когда мой цыган оставил их сиротинушками, сгинул в ту зиму…

Таисья в ответ ничего не говорила, а только слушала сестру, понимая, что той надо выговориться.

– Ты же помнишь, как я любила Ивана, хоть он и цы-

ганских кровей. А ведь матушка с батюшкой наши шибко против были. Если твоего Михаила сразу приняли, хоть он и не местный, то от моего меня отговаривали долго. Но ведь сердцу не прикажешь, не зря говорят, прикипела я к нему намертво, сразу трёх детей родила – Семена, Любу и Машеньку, последнюю мою кровиночку. Она-то в их породу и уродилась, точь-в-точь цыганка, а красавица какая, вся в отца – статная, черноглазая, чернобровая, а волосы какие – пышные и кудрявые. Обе от одного отца, но ты посмотри, у Любы-то волос прямой, как будто кто специально расправлял…

– Да, жалко, твою младшенькую, всего десять годочков прожила, не смогла поправиться…

– А как я за неё молилась, Тася! Сколько на коленях выстояла у божницы!

– У всех есть кто-то, за кого просили. Не думай, что ты одна такая.

– Я другое думаю, забрал Иван её к себе, чтобы там ему не быть в одиночестве, видать, вдвоём им веселее на том свете.

– Да, твой Афоня – редкий мужик, взял с тремя и ни разу голос ни на кого не поднял, всё добром.

– Не жалься. Василий хоть с виду и суровый мужик, но справедливый и работящий.

– Я и не жалуюсь, Пашенька. Только иногда кажется, что чего-то в жизни не хватает, а может быть, кого-то рядом…

– Ой, Тася, послушал бы кто нас, о чём разговор ведем,

удивился бы… Точно, с жиру бесятся.

Сёстры еще какое-то время обсуждали житьё-бытьё, а потом переключились на своих дочерей.

– Интересно, кто кого сбивает уехать из дома, моя Нинушка или твоя Любушка, цыганская кровь? Похоже, обе хороши, точно вожжа под хвост попала, всё им техникум какой-то подавай. Мы вот без этих техникумов живём, и ничего… А что Афоня говорит?

– Ты же знаешь, он моих ростит, как своих, во всём им потакает. Сын уже уехал в Челябу, и эта собралась. А нам только им денежку готовь. Подожди, я знаешь, о чем подумала?

– Ну, говори…

– Об ухажерах Любиных.

– Чего вдруг?

– К нам последнее время повадилось двое, один – гармонист, а второй – молчун и чернявый, как смоль. Гармонист всё наяривает на своей гармони, песни распевает, частушки выкрикивает, а другой, как кляп в рот вставил, всё молчит…

– А который тебе по нраву?

– Никакой. Да все равно, Любушке выбирать. Слушай, Тася, а вдруг это из них кто-то намылился в техникум, и наша за ним?

– Наше дело маленькое, они уже всё сами решили. Поедут, точно, и нас с тобой не спросят. Василию обязательно расскажу про этих ухажеров.

Да, сердце материнское верно подсказывает – если наметили птички выпорхнуть, обязательно улетят. Уж больно им охота на свободу, во взрослую жизнь, манит она их, завораживает. Как будто кто-то им на ухо шепчет, что у меня-то точно всё хорошо будет: и любовь, и дети, и счастье заоблачное.

Первой решилась на взрослую жизнь Любочка, цыганская дочь. Конечно, Нина, ее подружка закадычная, была первой, с кем она посоветовалась по поводу своих сердечных дел. Нина уже вовсю крутила с парнями, причем не со сверстниками, а выбирала тех, кто постарше, она понимала толк в поцелуях и давала практические советы.

– Двое, говоришь, домой к тебе ходят? Очень хорошо, будет из кого выбирать. Родители у тебя покладистые, не мешают, не то, что мои. Папка как взглянет из-под своих бровей, так все кавалеры разбегаются, и чувствуешь себя виноватой, хотя ничего пока ещё не сделала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.